

Глава 0

Я убила своих родителей.

Эту байку я придумала еще в детском саду, чтобы другие дети не приставали ко мне. Я живу с престарелой бабушкой, и это не то, чем хвастаются нормальные подростки.

— Новый айфон? Класс!

— Вау, кожаный рюкзак?

— Что, говоришь, на день рождения подарили?!

— Кроссовки от «Найк»? Фирменные? Круто!

Это я слышу в школе каждый день. Одни мажоры хвастаются перед другими.

В нашем классе всего семнадцать человек, не считая меня. Друзей среди них у меня нет.

У девчонок главная — Машка. Ее считают первой красавицей в школе. Я слышала, как в туалете она обсуждала ринопластику. В девятом классе Машка «сильно болела» несколько месяцев, а вернулась уже с вздернутым носом, совсем как у моделей на обложках журналов.

У мальчишек свой лидер — Михаил. Он вейпит на крыльце школы, в туалете, в классе, а в особо тяжелые дни — прямо на уроках. Никто не делает Михаилу замечаний, ведь его папа спонсирует школу всем необходимым.

Наша классная руководительница, Инна Игнатьевна, она же мать Михаила, любит вызывать меня к доске. Если я ошибаюсь, она ставит мне двойки и называет тупицей. Я называю ее Акулой.

По школе гуляют слухи про девочку, которая якобы пожаловалась на нее родителям, но ничего не произошло, ведь муж Акулы — богатый и влиятельный человек. Наверное, заплатил родителям девочки за молчание. Акула потом неделями ходила в темных очках. Я видела, как она стояла перед зеркалом в туалете и замазывала огромный синяк под глазом.

В моей жизни есть два замечательных человека. Дарье восемнадцать, и она любит красную помаду, завивает светлые короткие локоны и лепит родинку над губой, чтобы быть похожей на Мэрилин Монро. Так вышло, что ей пришлось забросить учебу и стать проституткой.

С Тарасом мы встречаемся уже полгода. Он заметил, как я сидела на качелях в одиночестве, подошел и спросил, почему не иду домой, ведь уже за полночь. Это был первый человек, заинтересовавшийся мной. Мы разговаривали, и Тарас пообещал приходить сюда каждый день. Он подносил сигарету к губам, чиркал зажигалкой и говорил: *«У тебя три минуты, чтобы высказаться»*. Если я не успевала закончить до того, как Тарас докурит, он приходил на следующий день и на следующий...

В моей жизни все шло относительно хорошо, пока одноклассники не начали меня травить. Чем дальше они заходили в своей игре, тем сильнее я задумывалась о *Списке*.

Глава 1

Нормальность — понятие относительное. Для меня нормально отмучиться день в школе и вернуться домой к бабе Снеже. Иногда она думает, что я не ее внучка. Для Машки в порядке вещей красить ногти посреди урока. Она любит коралловый цвет и открывать лак, когда в классе закрыты окна. Для Михаила норма сорить деньгами, но почему-то день рождения он отмечал в столовой. В девятом классе, когда я только перешла в новую школу, он пригласил меня лично. Михаил с друзьями принесли пиво, закуски и самокрутки. Кто король школы, тому все дозволено.

— Привыкаешь? — спрашивает Михаил.

— К чему? К школе? Не смейся, после девятого меня тут не увидят.

— А как же аттестат и все такое?

— В наше время даже диплом никому не нужен, а тут какой-то аттестат. — По моему виду и тону голоса не скажешь, но я боюсь.

Веселые, шумные компании, ухоженные девчонки с ярким, вызывающим макияжем — то, чего я избегаю в повседневной жизни.

— Хочешь чего-нибудь? — спрашивает Михаил.

— Уйти отсюда.

Михаил берет меня за руку и выводит из столовой. Мы идем через школьную детскую площадку. Михаил сажает меня на качели с выкрашенной в зеленый цвет узкой дощечкой, а сам садится на соседнюю.

— Трудно быть новенькой?

— Скорее непривычно.

— Далеко живешь?

— В десяти минутах ходьбы отсюда. Знаешь старый сквер? Нужно пройти через него. — Я указываю направление, вглядываясь в знакомые улицы. Школа стоит на холме, и отсюда люди внизу напоминают муравьев.

— Эй, — зовет Михаил. Я поворачиваюсь, и наши губы соприкасаются.

Интересно, первый поцелуй у всех такой глупый?

Неловкость между нами исчезает после нескольких поцелуев. Губы распухают.

— Зачем ты это сделал? — спрашиваю я.

— Ты миленькая. — Михаил подмигивает, улыбаясь.

К щекам приливает кровь. Надеюсь, он этого не видит.

— Так ты живешь с бабушкой? А своя комната у тебя есть?

— Нет, у нас однокомнатная квартира...

— Пойдем ко мне, родителей дома нет. Можем пошалить в джакузи. — Он рассматривает меня с пугающим интересом.

Мне хочется отстраниться. Кто-то внутри пищит тоненьким голоском: *«Не смей соглашаться, беги домой!»*.

Список

— З-знаешь, мне пора, — я поднимаюсь с качелей, — бабушка ждет. Еще раз с днем рождения.

Я вбегаю в здание школы, не оборачиваясь. Через главный вход уже не выйти, все перекрыто охраной. Подхватив сумку, иду в туалет на втором этаже.

Убедившись, что Михаил не идет за мной, я открываю окно и спрыгиваю на траву. Пятки обжигает болью.

* * *

В школе все по-прежнему: никто меня не замечает. Я набираюсь смелости и подхожу к Михаилу. Дома я миллион раз прокручивала в голове извинения: *«Прости, пожалуйста, я просто немного испугалась. Дело во мне»*.

— Миша... — едва это имя слетает с моих губ, как к нему подходит Машка и целует в засос.

Мерзкий слюнявый поцелуй еще долго будет стоять у меня перед глазами.

— Прошлая ночь была волшебной, — шепнув это, Машка с вызовом смотрит на меня.

Опустив голову, я возвращаюсь на свое место. К черту извинения, они ему явно не нужны.

* * *

Наверное, стоит сказать, почему я зову его Михаилом? Бабушка говорила, что имя дано человеку не просто так и не стоит преуменьшать его силу. Меня назвали Юстинией. Наверное, родители надеялись, что я принесу в мир «справедливость», раз дали мне такое имя.

На самом деле я не против неполных имен, но некоторых людей язык не поворачивается так называть. К тому же после того инцидента я не могу и не хочу звать Михаила Мишей. Видимо, это такая психологическая защита.

Облажавшись на дне рождения и сгорая от стыда, я чуть не вскрываю себе вены. Хорошо, что мозги у меня крепче разбитого сердца. «Какого хрена, — говорят они. — Если это у *него* проблемы, почему *мы* должны себе вредить?»

* * *

Я копила на шикарные белые джинсы семь месяцев. Мне казалось, прийти в них в школу — хорошая идея.

Обычно меня никто не трогает. Я не ожидала, что сяду на стул и вляпаюсь во что-то мокрое. Джинсы прилипают к сиденью. Я встаю и оглядываюсь. На белой ткани крупные красные разводы. За соседней партой кто-то смеется.

Я поднимаю голову. Люська рассматривает меня с широкой улыбкой. Она считается в классе главной модницей, несмотря на лишний вес. Дорогая одежда часто подчеркивает ее недостатки.

— Зачем ты это сделала? — спрашиваю я, уперев руки в боки.

— Тебе нельзя выглядеть моднее меня, — хихикает она.

— Да половина девчонок в классе одевается лучше, чем ты.

— Им можно. — Люська встает со стула и подходит ко мне.

Она рывком хватает мою кофту со спинки стула и прячет у себя за спиной. Я пытаюсь отобрать ее, но Люся перебрасывает кофту своим подружкам. Они перекидывают ее друг другу словно мяч. Останавливаюсь и прижимаюсь спиной к стене. Пока я сижу или стою, никто ничего не заметит.

— Верните кофту, — сдержанно говорю я.

— Нет уж. Походи сегодня так. Пусть все увидят, что ты пришла в белых штанах в не очень удачный день месяца.

Я оглядываюсь, надеясь одолжить у кого-нибудь кофту, чтобы добраться до медпункта. Половина класса в столовой, другая половина смотрит на меня. Только у двух девчонок есть кардиганы — у Машки и у Нины. К первой я не пойду ни за что в жизни, а со второй можно попытаться.

— Нин, — я подбираюсь к ней, прикрывая зад руками, — одолжи мне кофту. Я схожу до медпункта и верну ее тебе.

Она смотрит на меня так, словно впервые видит; потом начинает снимать кардиган и вдруг застывает. Я вижу, что она смотрит на кого-то позади меня. Люська показывает ей знаки. Бесполезно. Я только теряю время.

— А как же женская солидарность? — спрашиваю я, глядя на Нину. Она опускает взгляд и натягивает кофту обратно.

Я разворачиваюсь и выхожу из кабинета. Приходится засунуть большие пальцы за ремень джинсов и изобра-

жать ковбойшу. Ученики все равно пялятся на меня. Класс. Я свечу задницей со смазанным изображением «японского флага». Сзади хихикают и перешептываются. Наверняка кто-то из малолеток еще и сфотографирует мой зад на смартфон.

Я вздыхаю и торопливо сворачиваю на лестницу. Сбегаю по ступенькам и оказываюсь в медпункте. За дверью сильно пахнет лекарствами и растворами. Когда бабушка заболела, я сполна надышалась всем этим в больнице. Как ни странно, от ненавистного аромата не тошнит.

— Здравствуйте. — Я заглядываю в помещение, где вместо двери висит шторка для душа, прикрепленная к косяку. Бюджетный вариант, напоминающий, что, даже если школа хорошо спонсируется сверху, все равно будут места, до которых деньги не дойдут.

— Да-да, проходите. — Медсестру зовут Екатерина Ивановна.

Полноватая женщина с миловидным лицом и большими добрыми глазами.

— Извините, у вас нет сменных штанов? — говорю я. Мне стыдно просить, но что делать? Лучше попытаться исправить ситуацию, чем выслушивать, как над тобой хихикает вся школа. — У меня на стуле была гуашь.

Екатерина Ивановна поворачивается ко мне. Я показываю ей свои джинсы и краснею от стыда. Она посмеивается, покачиваясь на скрипучем деревянном стуле.

— Давненько у нас такого не было. Обычно младшеклашки так своих разыгрывают: или мелом стул из-

мажут, или краску прольют, — говорит она. — Тебе повезло, у меня есть запасные штаны. Но они, мягко говоря, выглядят не очень.

Она достает из шкафа потрепанные старые спортивные с вытянутыми коленками и потертой тканью на заднице.

— Все равно возьмешь? — спрашивает медсестра.

— А куда деваться, — вздыхаю я, — лучше уж ходить в старье, чем прослыть «той самой девчонкой с протечкой» на всю школу.

— Верно говоришь. — Екатерина Ивановна хлопает пухлой ладонью по кушетке. — Садись, переодевайся. Я пока шторку прикрою.

Я благодарю ее и снимаю джинсы. Черт, я ведь так хотела покрутиться в них перед Тарасом...

— Я вам их завтра верну, — обещаю я, — вдруг еще кому-то понадобятся.

— Хорошо, детка. — Екатерина Ивановна смотрит на меня темными глазами. В них читаются грусть и доброты.

Она развелась несколько месяцев назад. На безымянном пальце до сих пор виден след от кольца. Ходят слухи, что Екатерина Ивановна не может иметь детей, поэтому устроилась в школу, чтобы помогать чужим. Поразительное благородство. Наверное, ей все время больно от мысли, что своей семьи у нее не будет.

— Ну, я пойду. Еще раз спасибо. — Я сжимаю в руке сложенные джинсы. — Вы меня очень выручили.

— Не за что. Если что-нибудь понадобится, приходи. Я всегда тут, — Екатерина Ивановна поворачивается

ко мне боком и что-то пишет. У нее мелкий и аккуратный почерк.

Я тихонечко выхожу в коридор. Джинсы мне уже не спасти, но какое-никакое утешение я получила.

Тарас присылает сообщение:

«Сегодня буду поздно».

Я хмурюсь, стискивая смартфон. Какой-то дурацкий сегодня день...

* * *

Я бреду домой. Через дорогу идет шумная компания одноклассников. От них по всей улице разносятся возгласы и смешки, мальчишки дурачатся, что-то бурно обсуждая. Я приглядываюсь и замечаю Михаила. Он выдыхает облако белого пара. Наверняка пахнет вишней, он ее обожает.

Михаил замечает меня, и я поспешно отворачиваюсь. После того случая на вечеринке мы больше не разговариваем. У меня есть Тарас, а у него — Машка. Она девочка неглупая, но ужасно банальная: собирает светлые волосы в пучок, носит естественный макияж и не забывает подклеивать длиннющие ресницы.

* * *

Серый четырехэтажный дом с запущенным палисадником неприветливо встречает меня. Двор освещают всего три фонаря: первый всегда горит; второй, на пути от ворот до моего подъезда, мигает из-за скачков напряжения; в третьем однажды выбили лампу, а новую никто

так и не вкрутил. Зимой, когда рано темнеет, становится особенно жутко. В фильмах в таких местах маньяки нападают на своих жертв.

Раньше я вставляла наушники, и панические мысли перебивали любимые песни. Потом, прочитав несколько статей о подростках, которые слушали музыку и их сбил автомобиль или поезд, я перестала заглушать окружающий мир. Жизнь ведь всего одна.

Поднимаюсь по лестнице. Смартфон в кармане вибрирует. *«Пенсионное зачисление в размере 14732 рубля»*. На квартплату уходит две тысячи, еще две я трачу на еду. Десять «съедают» одежда, лекарства и учебники. Семьсот тридцать два рубля откладываю, когда есть возможность. Я позволила себе купить джинсы, не устояв перед соблазном, а теперь вряд ли смогу отстирать их без химчистки.

Когда я захожу в квартиру и закрываю за собой дверь, раздаются шаркающие шаги. Дряхлая рука отодвигает шторку-перегородку, скрывающую спальню от посторонних глаз. К нам мало кто приходит: соседки, соцслужбы и иногда случайные люди. Последним мы с бабушкой не открываем.

— Ты кто такая?.. — Баба Снежа обеспокоенно смотрит на меня.

В ее светло-зеленых глазах, таких же, как у меня, мерцает тревога. Она смотрит на незнакомку. Я потираю предплечье, скрывая озноб.

В детстве я звала бабушку мамой — не могла смириться с тем, что у всех в садике есть мамы, а у меня

нет. Бабушка не ругала меня, иногда даже подыгрывала.

Когда ей поставили диагноз, врач старался говорить мягко, намеками, но мы с бабушкой все понимали. Пройдет несколько лет, и она совсем забудет меня. Забудет годы, что мы провели вместе, и будет искать мою маму, свою дочь, не помня, что она давно умерла.

— Это я, Юстиния. Твоя внучка, — говорю я, сбрасывая рюкзак и снимая кеды.

— У меня нет внучки... Уходи! Уходи, бездомная! — Она указывает трясущимся пальцем на дверь.

— Мы живем вместе уже шестнадцать лет, ба. — Я стараюсь говорить мягко и весело, будто бабушка меня разыгрывает. Внутри меня трясет. — Разве ты не помнишь?

— Но... но... милиция! — Она взвизгивает, подбегает и хватает меня за волосы.

Мне удастся освободиться. В ее руках клочья черных волос.

— Господи... — Глаза бабушки вдруг наполняются слезами. Она смотрит на свои пальцы и судорожно выдыхает. — Внученька, прости меня!

Баба Снежа прижимает меня к груди, рыдая и извиняясь. Я обнимаю ее и глажу по спине. Скоро такие встречи войдут у нас в привычку. Уже несколько месяцев я прихожу из школы, успокаиваю бабушку, а затем кормлю ее ужином.

Перед сном баба Снежа капризничает. Чтобы она заснула, с ней нужно сидеть, как с маленьким ребенком,

и читать сказки. Только так она успокаивается и отправляется в царство снов со счастливой улыбкой. Когда-то все было наоборот.

Сложнее всего оставлять бабушку одну дома — рассчитывать на соседей нельзя, просить чужаков сидеть с ней даже за небольшие деньги — опасно. Если мы наткнемся на мошенников, они заставят бабу Снежу переписать квартиру на них. Тогда мы станем бездомными.

Я мечтаю, что однажды мы с Тарасом будем жить вместе, но у него нет своей квартиры. Он вырос в детском доме. Хоть по закону ему и положена жилплощадь после совершеннолетия, Тарас объяснил, что его «-дцать» квадратных метров придется ждать еще много лет.

Поэтому, когда я вижу одноклассников с их родителями, то не могу не завидовать. Представляю, что было бы, будь мои родители живы. Заболела бы бабушка? Пришлось бы мне мучиться с оплатой счетов и питаться лапшой быстрого приготовления? Встретились бы мы с Тарасом, будь я примерной девочкой?

Накормив бабушку, я включаю виброрежим на смартфоне и кладу его в ящик, набитый ватой. Она каждый раз вздрагивает, когда из куска железа льется музыка.

На уроки уходит от часа до трех, если не задают рефератов. В последнем случае приходится тащиться в библиотеку, в спешке изучать книги, перепечатывать текст или писать от руки несколько листов формата А4. У меня нет компьютера и принтера, поэтому за печать в салонах плачу только в крайних случаях, когда без этого никак не обойтись. К счастью, некоторые учителя настолько

древние, что с радостью завышают мне оценку, как только видят рефераты, написанные вручную. Иногда выручают фотографии со смартфона, когда времени на подготовку совсем мало. Камера на нем у меня слабая, приходится делать много крупных фотографий, так что на расшифровку порой уходит куда больше времени, чем на конспектирование от руки.

* * *

Тарас присылает мне сообщение в полпервого ночи. Бабушка спит, поэтому я крадусь на цыпочках в коридор, надеваю первую попавшуюся кофту и выбираюсь в подъезд. Осторожно закрываю дверь на ключ, чтобы замок не щелкал.

Я вижу в темноте красновато-оранжевый огонек. Тарас всегда курит, когда приходит ко мне.

Под блеклым светом мигающего фонаря мы разглядываем друг друга.

— Вышла наконец, — говорит Тарас, выдыхая сигаретный дым в противоположную от меня сторону.

Он держится отстраненно, сунув руки в карманы штанов. Одет официально: пиджак и галстук. Верхние пуговицы рубашки расстегнуты и оголяют ключицы. Я поеживаюсь — сентябрьской ночью достаточно холодно, чтобы подхватить простуду или воспаление легких. Волосы у Тараса темные, волнистые, а карие глаза смотрят на меня с прищуром.

— Почему ты без куртки? — спрашиваю я, нарушая затянувшуюся тишину.

— Сразу к тебе поехал. — Тарас кивает в сторону машины.

Он ездит на «шестерке» с тонированными стеклами. Когда я спросила его, почему никто до сих пор его не оштрафовал, Тарас показал мне поддельные права. Это меня не смущает, я люблю ездить с ним на пассажирском сиденье. Одноклассницы мечтают о парнях с «БМВ» или «ауди», а для меня важен Тарас, а не его тачка.

— Все хорошо? — говорю я.

Он кивает, бросает сигарету на землю и тушит окуроч ботинком.

— Разве что в челюсть заехали, — говорит Тарас, касаясь ее рукой.

Я подхожу ближе и притрагиваюсь к ушибленному месту. Тарас перехватывает мою руку и прижимает к своей щеке. Лампа фонаря мигает и ярко освещает нас. Лицо Тараса грязноватое, с синяками и ссадинами.

— Ты ходил в больницу? Челюсть проверял?

Он усмехается, прижимая меня к себе.

— Все нормально, поболит и пройдет. А вот мое безутешное сердце...

— Боже, нет, — протягиваю я. — Ты опять читал дурацкие женские романы?

— Больше ничего под рукой не было.

Иногда он шлет мне цитаты из женских романов. Когда ванильные сопли, когда драму, а когда по-идиотски описанные эротические сцены. Со временем я поняла, что все это не просто так. Если Тарас скучает, то шлет нелепые фразы о любви, когда ему одиноко — присылает